

УДК 94(37)“–19”

DOI 10.25688/20-76-9105.2021.41.1.07

Ф. А. Михайловский

Конституционные приобретения Августа в 19 г. до н. э.

Статья посвящена спорному вопросу о государственно-правовом положении Августа после так называемого урегулирования 19 г. до н. э. Обычно исследователи указывают на расхождения между сообщениями Диона Кассия и самого Августа, отдавая предпочтение последнему. Однако в литературе уже давно был предложен более продуктивный подход, в основе которого лежало стремление согласовывать противоречивые сведения источников, а не отвергать целиком те или иные данные как якобы ошибочные.

Ключевые слова: Октавиан Август; цензорская власть; попечитель нравов; консульский империй; фасции; проконсул.

В истории государственно-правового оформления принципата Августа принято выделять так называемые урегулирования — ключевые конституционные изменения в положении принцепса. В результате урегулирования 27 г. до н. э. был произведен раздел провинций на императорские и сенатские, но это урегулирование, как представляется [7], еще не затронуло самой власти правителя (в последующие годы Август продолжал занимать консульскую должность и контролировал ряд провинций). Реформа самой власти была проведена в 23 г. до н. э. Август тогда отказался от консульства, девятого подряд и одиннадцатого по общему счету, и взамен принял полную трибунскую власть. У него остался империй над провинциями, которые в январе 27 г. до н. э. были назначены ему сенатом в управление сроком на десять лет. Именно тогда и появилась формула императорской власти: соединение в одних руках высшего империя (проконсульского) и трибунской власти — тех магистратских по происхождению полномочий, которыми в дальнейшем наделялись римские императоры [6].

Наконец, в 19 г. до н. э. имело место третье урегулирование, подводившее черту в оформлении принципата, когда Август был наделен рядом прерогатив и полномочий, которые ввиду противоречивости основных источников наименее понятны и наиболее дискуссионны.

Дион Кассий, подробно рассказывающий о событиях 19 г. до н. э., перечисляет все конституционные права и приобретения Августа: он занял должность блюстителя нравов и принял цензорскую власть сроком на пять лет, пожизненно был наделен консульскими полномочиями, получив право на двенадцать

фасций и на место в курульном кресле между действующими консулами, в конечном счете ему было предоставлено право издавать какие пожелает, законы, которые должны были именоваться законами Августа (Dio. LIV. 10. 5–6).

Однако эти утверждения Диона Кассия как будто опровергает главный свидетель — сам принцепс — в своей знаменитой политической автобиографии «Деяния божественного Августа».

Относительно магистратуры блюстителя нравов Август заявляет: «Когда консулами были М. Виниций и Кв. Лукреций, а потом П. и Гн. Лентулы и на третий раз П. Фабий Максим и Кв. Туберон (соответственно в 19, 18 и 11 гг. до н. э. — *Ф. М.*), по общему согласию сената и римского народа я был единственный избран попечителем законов и нравов с высшей властью. Никакой должности, дававшейся вопреки отеческим обычаям, я не принимал. То, что тогда сенат через меня совершить желал, я выполнил, пользуясь трибунской властью. И в самой этой должности коллегу сам по своей воле у сената просил и принимал» (RgdA. 6; перевод И. Ш. Шифмана).

О принятии цензорской власти в «Деяниях» нет ни слова. Более того, Август указывает, что трижды проводил цензовую перепись: в первый раз в 28 г. до н. э. вместе с Агриппой, когда они были консулами, в двух других случаях (в 8 г. до н. э. один и в 14 г. н. э. с Тиберием) он пользовался консульской властью (RgdA. 8. 2–4).

Нет ни слова в «Деяниях» и о принятии пожизненной консульской власти. Напротив, Август заявляет, что в 22 г. до н. э. не принял предложенную ему сенатом и народом диктатуру, а также годовое и пожизненное консульство (RgdA. 5. 3). К тому же, по сообщению Светония, после 23 г. до н. э. Августу неоднократно предлагали консулат, но он отказывался (Suet. Aug. 26. 2).

Наконец, в восьмой главе «Деяний», где Август сообщает о собственных законах, нет и намека на какие-то особые *leges Augustae* (RgdA. 8, 5). А в цитированной выше шестой главе, вероятно, подразумевается моральное законодательство, которое Август, как он указывает, осуществил при помощи трибунской власти.

В то же время сведения Диона подтверждает (с разницей в деталях) Светоний. Он пишет, что Август принял надзор не только за нравами, но и над законами, причем не на пять лет, а пожизненно, и добавляет: «В силу этого полномочия он три раза производил народную перепись, хотя и не был цензором: в первый и третий раз — с товарищем, в промежутке — один» (Suet. Aug. 27, 5; перевод М. Л. Гаспарова).

Большинство исследователей признают решающими указания самого Августа и не доверяют свидетельствам Диона и Светония [1: с. 146; 9: р. 30, 89; 3: с. 117–118, сн. 110]. Таким образом, сразу отвергается возможность занятия Августом магистратуры блюстителя нравов и принятия им цензорской власти, поскольку в отношении этих приобретений Август прямо противоречит Диону: магистратуру Август не принял, цензы проводил на основании консульского империя, а законы — пользуясь трибунской властью.

Предпочтение, оказываемое словам самого Августа, выглядит оправданным. Август, конечно, умел скрывать за уклончивыми формулировками невыгодные для него моменты. Но едва ли он мог, например, заявлять, что проводил цензы, пользуясь империем, хотя на самом деле использовал цензорскую власть. В то же время безапелляционное отрицание данных источника — не лучший вариант (например, Светоний, по словам Дж. А. Крука, просто «был введен в заблуждение» [3: с. 118 сн. 110]). Лучшим вариантом было бы найти объяснение ошибочным данным. Еще лучше — попытаться согласовать противоречивые сведения. Именно поэтому убедительнее выглядит точка зрения тех исследователей, кто высказывал противоположное мнение: Август все-таки избирался попечителем законов и нравов и принимал цензорскую власть.

Так, Г. Ферреро обратил внимание на то обстоятельство, что сам Август сообщает о своем избрании на должность блюстителя нравов в 19 г. до н. э. и вновь в 18 г. до н. э., хотя Дион Кассий пишет о пятилетнем сроке. По объяснению исследователя, первоначально должность была дана в 19 г. до н. э. «до конца десятилетнего принципата» (в 18 г. до н. э. заканчивались полномочия, предоставленные Августу в 27 г. до н. э. на десять лет), а в 18 г. до н. э. должность была дана Августу уже на пять лет, с 17 по 12 гг. до н. э., — «на тот срок, на который были продолжены и другие его полномочия». «Действительно, было бы странным, — пишет Г. Ферреро, — что в 19 г. *cura morum* была дана Августу на пять лет, когда не знали, примет ли он продолжение других своих полномочий». Таким образом, Дион просто перепутал первое и второе избрание Августа на эту должность, говоря о пятилетнем сроке [8: с. 450–451, сн. 1]. Предположение ученого объясняет также, почему Августу дали ту же должность в третий раз в 11 г. до н. э.: в связи с истечением второго, пятилетнего срока. Но в таком случае (продолжая мысль Г. Ферреро) можно сказать, что это был срок, когда Август действительно занимал магистратуру попечителя нравов, и по истечении этого срока появилась необходимость очередного избрания на новый пятилетний срок — до 7 г. до н. э. включительно.

Эту магистратуру Августа А. Х. М. Джонс датирует несколько иначе: 19–14 и 12–7 гг. до н. э. [11: р. 24], но тогда между двумя сроками образуется пауза — 13 г. до н. э. — и остается непонятным, почему Август указывает кроме 19-го еще 18-й и 11-й гг. до н. э. Ученый следует сообщению Диона Кассия о том, что Август был вновь избран попечителем нравов на пять лет после смерти Агриппы (Dio. LV. 30. 1). Но, по-видимому, избрание произошло не в том же 12 г. до н. э., когда Агриппа умер, а уже в следующем, как и указывает сам Август.

По мнению Г. Ферреро, «Дион и Светоний не так далеки от истины» относительно предоставления цензорской власти, а Август в «Деяниях» «не так правдив». Если для проведения законодательства о нравах он мог использовать трибунскую власть, то для *lectio senatus* (составления списка сенаторов) ему была нужна цензорская власть [8: с. 450, сн. 1].

На значение *lectio senatus* обратил внимание и А. Х. М. Джонс. Август кратко сообщает в «Деяниях», что трижды пересматривал сенатский список (RgdA. 8. 2). При этом он не указывает, на основании каких полномочий и когда он это делал. Впрочем, первые два случая не вызывают сомнения: в 29 г. до н. э. (Dio. LII. 42) и 18 г. до н. э. (Dio. LIV. 13–14). Но Дион пишет еще о трех случаях: в 13 г. до н. э. (Dio. LIV. 26. 3–9), 11 г. до н. э. (Dio. LIV. 35. 1) и 4 г. (Dio. LV. 13. 3; см. также: Suet. Aug. 37.1). Рассказ Диона о 13 г. до н. э. А. Х. М. Джонс находил крайне путанным, а в 4 г. состав сената пересматривали трое сенаторов, отобранных по жребию, но не сам Август. В итоге ученый пришел к выводу, что третий *lectio senatus* Августа имел место в 11 г. до н. э. [11: р. 22–23]. Таким образом, все три *lectiones senatus*, как отметил А. Х. М. Джонс, хронологически следовали за вероятным предоставлением Августу цензорской власти в 29, 19 и 12 гг. до н. э., так что Август и принимал цензорскую власть всякий раз именно ввиду предстоявшего *lectio senatus* [11: р. 25].

Что касается цензов Августа, то первый из них совпал по времени с первым *lectio senatus*. И то и другое Август провел вместе с Агриппой — они оба были консулами, а также были наделены цензорской властью. Кроме несколько неточного указания Диона Кассия (Август и Агриппа названы цензорами — Dio. LII. 42) А. Х. М. Джонс считал достоверным свидетельство «полуофициального и более или менее современного документа», *Fasti Venusini*, о том, что в 28 г. до н. э. Август и Агриппа провели *lustrum*, пользуясь цензорской властью [11: р. 24].

В 8 г. до н. э. Август, по его собственным словам, провел ценз самостоятельно, на основании консульской власти. Как утверждал А. Х. М. Джонс, после проведения *lectio senatus* в 11 г. до н. э. Август, возможно, сложил цензорскую власть и потому в 8 г. до н. э. воспользовался империем [11: р. 25]. В 4 г. состав сената пересматривал не сам Август, а это показатель того, что у него не было цензорской власти, и Дион ясно это подчеркивает, заявляя, что Август для ценза и люстра использовал империй (Dio. LV. 13. 5). Наконец, в 14 г. у Августа тоже не было цензорской власти, как и у Тиберия, вместе с которым он, по собственным словам, проводил перепись на основании консульского империя. К тому же относительно империя Тиберия имеется ясное указание Светония: «консулы внесли закон, чтобы он совместно с Августом управлял провинциями и производил перепись» (Suet. Tib. 21. 1; см. также: Vell. Pat. II. 121. 1).

Таким образом, Г. Ферреро и А. Х. М. Джонс нашли возможность согласовать между собой, казалось бы, противоречащие друг другу свидетельства Диона Кассия и самого Августа. «Наконец, можно заметить, — писал А. Х. М. Джонс, — что Август не отрицает определенно, что он получил *cura togum* или *ensoria potestas*. Он только заявляет, что, когда ему было предложено стать “*curator legum et morum summa potestate*”, он отказался от всякой должности, которая противоречила обычаю предков. Его утверждение,

несомненно, уклончивое, ведь если он в действительности принял *cura togum* и *sensoria potestas*, оно не может быть названо ложью, поскольку об обычных полномочиях цензора нельзя сказать, что они “*contra morem maiorum*” [11: p. 25].

По мнению А. Х. М. Джонса, не противоречила обычаям предков и *cura togum*. Но тогда к чему могли относиться слова Августа, что никакой должности, дававшейся вопреки отеческим обычаям, он не принимал? В связи с этим можно высказать следующее предположение. Август имел в виду как раз некую высшую власть (*summa potestas*), которой наделялся блюститель законов и нравов и что не могло соответствовать отеческим обычаям.

В то время сенаторы в своем низкопоклонстве и осознании собственной беспомощности были готовы предоставить Августу любые полномочия, хотя бы и пожизненную диктатуру или пожизненное консульство. Дион Кассий пишет, что в 19 г. до н. э. сенаторы предложили Августу сверх всего вовсе непомерные полномочия: право вносить исправления во все дела и право издавать законы, какие он посчитает нужным и которые они хотели именовать законами Августа и были готовы заранее принести клятвы, что будут им следовать. Пересказывая Диона, А. Х. М. Джонс ошибочно указывал на то, что Август будто бы отказался от всех названных предложений сенаторов [11: p. 24]), хотя Дион пишет об отказе только от клятв (Dio. LIV. 10. 6). Но, возможно, именно в этом пункте Дион как раз неточен: Август действительно отказался от некой высшей власти, взяв на себя только попечение о законах и нравах, что, конечно, не противоречило традициям (эту должность занимал и Г. Юлий Цезарь — Suet. Iul. 76. 1). Эта высшая власть, о которой говорит Август (RgdA. 6. 1), и есть те чрезмерные полномочия, которыми, по словам Диона, сенаторы были готовы наделить принцепса в качестве попечителя законов и нравов.

Э. Д. Гримм, которому принадлежит самое фундаментальное в отечественной историографии исследование императорской власти, напротив, был убежден, что Август, не принявший ни попечительства о нравах, ни цензорской, ни консульской власти (лишь инсигнии консулов), получил от сенаторов упомянутые Дионом огромные полномочия. Ученый называл эти полномочия «неограниченным правом распоряжений» и дискреционной властью, благодаря которой Август мог «делать решительно все, что ему угодно». Он находил подтверждение этому праву в законе об империи Веспасиана и считал, что оно представляло собой расширенное магистратское право распоряжений (*ius edicendi*). По мысли Э. Д. Гримма, это право «стояло в связи с предложением Августу пожизненной консульской власти и его отречением от нее» [1: с. 147 149]. Впрочем, подробнее природу этой связи он не исследовал.

Между тем пожизненный консульский империй — не менее, если не более дискуссионное приобретение Августа в 19 г. до н. э. Дело в том, что пожизненному консульству прямого опровержения в «Деяниях» нет, так что по этому вопросу в научной литературе наблюдается своего рода градация оценок.

Одни исследователи считают, что Август тогда просто отклонил очередное предложение постоянного консульства (как в 22 г. до н. э.) и ограничился

принятием консульских инсигний [1: с. 147; 4: с. 394; 9: р. 30; 3: с. 118]. Другие идут несколько дальше и считают, что тем самым «Август действительно стал пожизненным “почетным консулом”, третьим и постоянным членом коллегии» [2: с. 95]. Третьи убеждены, что Август был наделен не только символическими знаками власти консулов, но и некоторыми правами, в частности правом назначать префекта города [12: р. 471; 5: с. 344]. Наконец, четвертые доказывают, что Август получил пожизненный консульский империй [11: р. 13–17].

Сомнение у исследователей вызывает уже точность высказывания Диона Кассия. Говоря о получении Августом пожизненных полномочий консула, он, похоже, тут же уточняет, что имеются в виду всего лишь двенадцать фасций и право сидеть в курульном кресле между консулами. Словом, это типичное для Диона небрежное высказывание по государственно-правовым вопросам [1: с. 147 см. также с. 132, сн. 2; 3: с. 118, сн. 112]. Даже А. Х. М. Джонс, доказывавший, что Август получил в 19 г. до н. э. не одни консульские инсигнии, а полноценный консульский империй, тем не менее был согласен, что «слова Диона допускают эту интерпретацию» [11: р. 13].

Но А. Х. М. Джонс указывал на ряд фактов, из которых следует, что Август с этого времени все же обладал в самом Риме такими полномочиями, которые могли базироваться только на империи. Он командовал тремя городскими когортами, а также вигилами, обладал гражданской и уголовной юрисдикцией, назначал городского префекта со специально консульскими прерогативами. Наконец, Август сам утверждает, что в двух случаях использовал консульскую власть для проведения ценза [11: р. 14–15].

Обращаясь к вопросу о консульской власти, Дж. А. Крук пишет, что «большинство исследователей» вслед за А. Х. М. Джонсом «только рады поверить, что в 19 г. Август принял ее пожизненно, ведь это дает формальное обоснование ряду его мероприятий, которым они не могут найти иного обоснования». Сам Дж. А. Крук предлагает объяснение только одному свидетельству — словам Августа о том, «что он пересматривал список сената, “пользуясь консульской властью”». «Принцепс, несомненно, имел в виду власть, специально предоставленную именно для этих случаев, — пишет он, — и, таким образом, подразумевал, что не обладал ею постоянно» [3: с. 118]. Правда, у Августа в восьмой главе «Деяний» ссылка на консульскую власть относится не к пересмотрам сенатского списка, а к цензовым переписям (о сенатском списке Август лишь сообщает, что он трижды его пересматривал), но в данном случае эта досадная оговорка не так важна. Хуже, что предлагаемое объяснение неубедительно и не ново — против него возражал еще в 1951 году¹ А. Х. М. Джонс. Он называл такое объяснение «в высшей степени неправдоподобным», потому что если бы требовалось дать какие-то полномочия по особому случаю и на время, то дали бы именно цензорскую власть, а не империй, который был «слишком тяжеловесным инструментом», при том что проведение ценза

¹ Когда вышла его статья об империи Августа, позже включенная в монографию [11].

вообще не требовало империя. Но если у Августа уже был консульский империй, то он и использовал его для ценза вместо наделения себя дополнительными полномочиями [11: p. 15].

Сомневаться в том, что империй Августа был действителен в самом Риме, не приходится. Но значит ли это, что причиной тому было обретение Августом пожизненной консульской власти в 19 г. до н. э.? Так ли следует понимать Диона или он имел в виду только консульские инсигнии?

Когда в 23 г. до н. э. Август сложил полномочия консула на Альбанской горе, т. е. за пределами померия (Dio. LIII. 32. 3), он тем самым стал *pro consule* [10: p. 286]. Вследствие этого его империй должен был слагаться при пересечении померия. Но Августу, согласно Диону, предоставили «раз и навсегда проконсульскую власть, так что ему не нужно было ни слагать при вступлении внутрь померия, ни возобновлять ее снова, и в подвластных областях он получил более обширные полномочия, чем у наместников каждой отдельной провинции» (Dio. LIII. 32. 5; пер. А. В. Махлаюка). Кроме того, в 22 г. до н. э. он получил еще особое (по существу консульское) право созывать сенат всякий раз, как он того пожелает (Dio. LIV. 3. 3). Дион даже замечает, что Август обладал властью и почетом, превышающими диктаторские (Dio. LIV. 1. 5). В 20 г. до н. э. Август распоряжался в провинциях Азия и Вифиния, отданных под управление сенату, как в своих (Dio. LIV. 1. 5). Каких полномочий в таком случае ему могло не доставать? Его империй ничем не отличался от консульского [10: p. 286]. Зачем бы ему потребовалось через несколько лет принимать пожизненно консульский империй?

Дело было не в империи как таковой. У Августа после сложения консульства не было именно магистратуры, магистратского статуса. Не случайно в последующие годы народ требовал, чтобы он вновь стал магистратом. Дион пишет, что всего лишь год спустя после реформы 23 г. до н. э. в Риме произошли волнения из-за эпидемии и голода. Объясняли несчастья тем, что Август отказался быть консулом. Народ заставил сенат назначить Августа диктатором. К нему пришли с двадцатью четырьмя диктаторскими фасциями, но Август не принял диктатуру (Dio. LIV. 1. 2–4). Об отказе от диктатуры сообщают также Светоний (Suet. Aug. 52), Веллей Патеркул (Vell. Pat. II. 89. 5) и сам Август (RgdA. 5. 1). По словам Диона, народ хотел избрать Августа цензором пожизненно, но он это также отклонил (Dio. LIV. 2. 1). Дважды на выборах консулов (в 22 и 20 гг. до н. э.) одно из мест сохраняли для Августа (Dio. LIV. 6. 2; 10. 1).

Речь шла вовсе не о власти, а о магистратуре, но Август неизменно, год за годом, отклонял все предложения такого рода. Дело в том, что важнейшей стороной государственно-правового оформления принципата стал именно отказ от определенного магистратского статуса. В реформе власти 23 г. до н. э. самым важным новшеством было не появление «проконсульского» империя (империй был всегда одним и тем же), а соединение империя с трибунской властью. Именно отказ от магистратского статуса и позволил это сделать.

Август был первым гражданином, первым сенатором, наделенным магистратскими по происхождению полномочиями, но не магистратом. Его нельзя

назвать почетным консулом или третьим и постоянным членом коллегии. Этот путь был отвергнут, по-видимому, еще ранее 19 г. до н. э. Светоний пишет, что Август хотел учредить должность третьего консула, но сенат воспротивился этому, якобы не желая умалять достоинства принцепса (Suet. Aug. 374; Я. Ю. Межеричский считает, что это могло иметь место в 23 г. до н. э. [5: с. 345, сн. 132]).

Итак, в 19 г. до н. э. Август принял только консульские инсигнии, потому что символы высшей власти были важны для сената и народа как знак его особого положения в государстве, что представлялось необходимым для сохранения стабильности и порядка. Он также принял на себя, подобно Цезарю, надзор над законами и нравами и цензорские полномочия, но эти конституционные приобретения носили временный и ординарный характер. В то же время Август, скорее всего, не принял права исправлять все дела и издавать любые законы как некую высшую власть (*summa potestas*).

Литература

1. Гримм Э. Д. Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. I: Императорская власть от Августа до Нерона. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1900. 515 с.
2. Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 225 с.
3. Крук Дж. А. Политическая история, 30 г. до н. э. – 14 г. н. э. // Империя Августа 43 г. до н. э. – 69 г. н. э.: в 2 томах / под ред. А.-К. Боумэна, Э. Чэмплина, Э. Линтотта; пер. с англ., подгот. текста, предисловие, примечания О. В. Любимовой, С. Э. Таривердиевой. М.: Ладомир, 2018. Первый том. 756 с. (Кембриджская история древнего мира. Т. X, первый том). С. 93–142.
4. Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1949. 686 с.
5. Межеричский Я. Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. 991 с.
6. Михайловский Ф. А. К вопросу о реально-правовом значении трибунской власти Августа // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2016. № 3 (23). С. 72–78.
7. Михайловский Ф. А. К вопросу о власти Октавиана-Августа в январе 27 г. до н. э. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2019. № 2 (34). С. 92–98.
8. Ферреро Г. Величие и падение Рима. II: т. III–V. 2-е изд. СПб.: Наука, 2008. 746 с.
9. Hammond M. The Augustan Principate in Theory and Practice During the Julio-Claudian Period. Cambridge; Massachusetts: Harvard University Ppress, 1933. 341 p.
10. Hardy E. G. Studies in Roman History. London: Sonnenschein, 1906. 349 p.
11. Jones A. H. M. Studies in Roman Government and Law. New York: Barnes and Noble, 1968. 243 p.
12. Salmon E. T. The Evolution of Augustus' Pprincipate // Historia. 1956. Bd. 5. N. 4. P. 456–478.

Literatura

1. Grimm E. D. Issledovaniya po istorii razvitiya rimskoj imperatorskoj vlasti. T. I: Imperatorskaya vlast' ot Avgusta do Nerona. SPb.: Tip. M. Stasyulevicha, 1900. 515 s.
2. Egorov A. B. Rim na grani e'pox. Problemy' rozhdeniya i formirovaniya principata. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1985. 225 s.
3. Kruk Dzh. A. Politicheskaya istoriya, 30 g. do n. e'. – 14 g. n. e'. // Imperiya Avgusta 43 g. do n. e'. – 69 g. n. e'.: v 2 polutomax / pod red. A.-K. Boume'na, E'. Che'mplina, E'. Lintotta; per. s angl., podgot. teksta, predislovie, primechaniya O. V. Lyubimovoj, S. E'. Tariverdievoj. M.: Ladomir, 2018. Pervy'j polutom. 756 s. (Kembridzhskaya istoriya drevnego mira. T. X, pervy'j polutom). S. 93–142.
4. Mashkin N. A. Principat Avgusta. Proisxozhdenie i social'naya sushhnost'. M.; L.: Akad. nauk SSSR, 1949. 686 s.
5. Mezhericzkiy Ya. Yu. «Vosstanovlennaya respublika» imperatora Avgusta. M.: Un-t Dmitriya Pozharskogo, 2016. 991 s.
6. Mixajlovskij F. A. K voprosu o real'no-pravovom znachenii tribunskoj vlasti Avgusta // Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki». 2016. № 3 (23). S. 72–78.
7. Mixajlovskij F. A. K voprosu o vlasti Oktaviana-Avgusta v yanvare 27 g. do n. e'. // Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki». 2019. № 2 (34). S. 92–98.
8. Ferrero G. Velichie i padenie Rima. II: t. III–V. 2-e izd. SPb.: Nauka, 2008. 746 s.
9. Hammond M. The Augustan Principate in Theory and Practice During the Iulio-Claudian Period. Cambridge; Massachusetts: Harvard University Ppress, 1933. 341 p.
10. Hardy E. G. Studies in Roman History. London: Sonnenschein, 1906. 349 p.
11. Jones A. H. M. Studies in Roman Government and Law. New York: Barnes and Noble, 1968. 243 p.
12. Salmon E. T. The Evolution of Augustus' Pprincipate // Historia. 1956. Bd. 5. H. 4. P. 456–478.

F. A. Mikhailovsky

Constitutional Acquisitions of Augustus in 19 B. C.

The article is devoted to the controversial issue of the state-legal status of Augustus after the so-called settlement of 19 B. C. Usually, researchers point to discrepancies between the reports of Dion Cassius and Augustus himself, preferring the latter. However, a more productive approach has long been proposed in the literature, which is based on the desire to reconcile contradictory information from sources, rather than completely reject certain data as allegedly erroneous.

Keywords: Octavian Augustus; censor power; guardian of morals; consular imperium; fascia; proconsul.